

Алексей А. Шепелёв

RUSSIAN DISNEYLAND

"...бессмысленный и беспощадный..."

Алексей Шепелёв

Russian Disneyland. Повесть

«Издательские решения»

Шепелёв А. А.

Russian Disneyland. Повесть / А. А. Шепелёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740897-8

Разухабистая компания школьников захватывает школу, устроив в ней «аттракцион Russian Disneyland — «бессмысленный и беспощадный». Такое возможно? В российской деревне в начале лихих девяностых — даже такое. Особенно если им помогают не менее разухабистые фермеры... «В этой книге Шепелёв — первооткрыватель некоторых психологических состояний, которые до него в литературе... ещё не описывали, либо описывали не настолько точно, либо не верили, что подобные состояния существуют». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-740897-8

© Шепелёв А. А.

© Издательские решения

Содержание

Короткое предисловие автора	6
Длинное предисловие автора о рукописи, найденной в стене (во сне), и немного о себе	7
Приложение (ко 2-му Предисловию автора)	10
3	12
4	14
5	15
6	16
7	17
8	18
9	20
10 (бывш. 11)	22
11	24
12	27
13-epentheticum10	29
14	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Russian Disneyland

Повесть

Алексей А. Шепелёв

– Куда вы меня тащите? —

обратился Леонид Морозов к своим конвоирам.

– Щас узнаешь.

Из этого же самого произведения.

Дизайнер обложки Алексей Шепелёв

Дизайнер обложки Александр Фролов

© Алексей А. Шепелёв, 2019

© Алексей Шепелёв, дизайн обложки, 2019

© Александр Фролов, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-0897-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Короткое предисловие автора

Не так давно я обнаружил свою раннюю (1994) повесть – или, если угодно, дневник – о проделках компании школьников. Называется «Российский Диснейленд» (1 и 2 – о двух частях) – то есть о том, как волею какого-то дурацкого и/или несчастного случая школа превратилась в плацдарм для подростково-сельско-шутовских, маргинально-несколько-даже-оригинальных развлечений. Это своего рода зачаток эстетики и идей нашего «радикально-радикального» объединения «Общество Зрелища» (обр. в 1997 г.), провозгласившего «искусство дебилизма», а также концепцию «явлений» (восприятия явлений жизни как фактов искусства и наоборот) и «антикатарсиса», и очень напоминает мою повесть «Настоящая любовь/Грязная морковь» (1997, 2001), в которой тоже обыгрывается оригинальный юношеский текст того же 1994 года. Многие герои те же самые, то есть, как ни странно, ткётся то же метатекстовое, метароманное даже полотно («Толокняное толокно толчёт жук...» – Стихи из сборника «ОЗ» «Быдломантия», самиздат, 1999). Но есть и отличия.

Приводится по оригиналу с минимальными литературными потерями и приобретениями.

Самовитый и хамоватый опус сельского подростка, старательно перепечатанный взрослым насососорустом (по-вашему: постпостмодернистом). Сплошной протонеадекват и самолюбование зарождающейся мегаломании (по-видимому, обусловленной изоляцией от «большого мира») с претенциозным эпическим подзаголовком «О становлении российского фермерства».

Длинное предисловие автора о рукописи, найденной в стене (во сне), и немного о себе

Скажу сразу, что вступление к повести сильно перегружено не только обилием малоизвестных фактов из жизни автора, но и всевозможными излияниями и отступлениями, что сделано намеренно и главным образом для того, чтобы как-то компенсировать простоватость изложения собственно повести. Посему нелюбопытным советуем и не читать.

...Бабушкин дом мне снится во сне. И я опять иду к ней и – о чудо! – она жива! Я говорю с ней, не могу наговориться – перемывать всем кости! – и мы сидим на крыльце, вечереет, холодает, кружатся мошки, жужжат комары, пахнет росой с муравы, помоями из кленовых посадок сбоку дома, полынью, лебедой, землёй, малиной, перезревшими огурцами и укропом, астрами, и ещё цветами зарницы, цветки которой распускаются только к ночи... Пригоняют коров, соседи загоняют скотину, прибирают подопревшее сено, пахнет тоже свежими коровьими продуктами – молоком, помётом, мочой и вазелином... подростки направляются в клуб... жарится картошка – ей тоже пахнет, и есть уж охота... а после и чай с малиной, с колотым сахаром-рафинадом... А пока «клюём» семечки... Точно, лучше этого ничего в жизни нет. Полная гармония мира, не далёкого, «бесконечного» и чуждого, а лежащего вот здесь – в двух шагах, прямо перед тобой, в поле зрения; а все мировые проблемы и конфликты, их суетливые, глупые и жестокие люди и далёкие чужие города и богатства – всё это только в телевизоре, то есть понарошку; цивилизация, индустриализация и индустрия, работа и прочая бессмысленная и обесмысливающая пое... нь – всего этого нет; это для вас, допустим (а теперь и для меня!), едой является то, что взято не понять откуда, сдобрено не понять чем, тонко нарезано и примотано полиэтиленовой плёнкой к пенопластовой ванночке, и доступно после десяти часов пертурбаций в метро, в пробках, на работе и т. д.¹, а в то время пропитанием для меня было то, что урождалось, зарождалось от посеянного и политого тобой самим семечка и созревало на этой чёрной, живой, раскалённой-сухой-покалывающей-пятки днём и холодной-влажной-притягивающей-спину ночью чудо-земле прямо здесь же, у крыльца, огороженной от всего остального посеребристыми шаткими кольями оградки да зарослями малины и глухой крапивы. Идеализированно немного, не взыскательно и не изысканно, но всё же.

Идеал, который во сне? Уж не думал, что я буду так мыслить. Но вернувшись (только года через четыре после её смерти я смог сделать это) в наш домик, я увидел то, что и ожидал: разобранная оградка, заросли американки, развалившееся, специально разбитое крыльцо, забитые окна (а потом доски с них оторваны), сбитый с петель замок, провалившиеся полы, вонючие ватные настилы в пятнах и разводах на пружинных кроватях, грязь и мусор, осыпавшаяся штукатурка, отставшие обои, паутина, жуки и пауки, запах табака и похотливого смрада – на стенах порнокартинки, под кроватью – использованные презервативы... Мне тогда было плохо, и негде было укрыться. Я тогда лёг на кровать и захотел умереть – ну может быть, не совсем, но почти уже. Я решил не есть и не пить воды. Естественно, то, что я увидел, меня в моём намерении укрепило...

...Все знают, что я родился в деревне. От этого выпала мне достаточно трудная судьбина, ведь я всё больше понимаю (лет с четырёх-пяти), что всё-таки больше я писатель, а не фермер (хотя работа в огороде мне очень по душе), а если характеризовать меня как человека, то одна из основных моих черт (если уж быть честным и отбросить всю шелуху благородных оправ-

¹ А самый нынче на Москве дефицит и деликатес – картошка (!) – чтоб она не водянистая была, не как мочалка, не гниль, не как горох, и не по сто рублей... У нас такую, которая здесь насыпана по 25, а то и по 40 руб. в лотке супермаркета, даже свиньям не дают!

даний) – аристократизм.² С другой стороны, закатанный асфальтом, заставленный бетонными параллелепипедами город мне совсем невыносим, особенно сама его цивилизация, подход ко всему. Зато засчёт этого коренного противоречия я стал, как понимают теперь многие, и как понимаю сам, очень своеобразным автором, и как могут подтвердить немногие, кто хорошо знает меня лично, очень своеобразной, практически идеальной и при этом же во многом абсолютно несносной личностью.

Когда Андрей Урицкий в рецензии на мою книжку, включающую роман «Еcho» с пятью рассказами, в качестве некого вывода написал про завершающий издание рассказ «Черти на трассе», что именно в этом тексте – по выражению критика, самом странном! – автору удалось достичь «единства игры и серьёза, пафоса и имитации пафоса, абсурда и реализма», т. е. явно посчитав сей текст последним из написанного, я конечно, позволил себе и усмехнуться. Дело в том, что названный рассказ вообще первый из того, что мною написано про людей – раньше, с семи лет и до шестнадцати, я писал исключительно про котов. «*Мява с Мурзиком друзья и решили сделать луки*», – вот первое, что я создал (по-моему, в 1985 или в 86-м), а героическое сие повествование (в полторы страницы и несколько простых предложений крупным, но уже небрежным почерком) называлось «Робины Гуды».

Коты у меня (вернее, два главных героя – котят) жили в своём особом мультяшно-мифическом мире – в кошачей стране, в Королевстве (почему-то, а не царстве) кота-короля Янция с названием кратким Русь Котов. С ними ещё иногда участвовал только один человек, по странности легко входящий в сказочную реальность – Шофёр, прототипом которого (как и с первых лет жизни в ежедневных играх «В кота и шофера») стал мой младший брат. Они и Русь от врагов защищали, и в космос летали, и в Китае и в Японии бились с ниндзями и т. д. Детских книжек я не читал, а бежал после уроков к «бабانه» – своей любимой бабушке (так я почему-то звал её, а за мной и все родные, – хотя она вовсе не Анна, а Елизавета; а бабушка по матери, жившая не с нами, как раз баб-Аня, но мы звали её баб-Нюра), в крошечный домик в десяти шагах от ненавистой «барды» (так уничижительно я именвал школу, и видно, есть за что), ел сваренную *в кожухе*, покрошенную ломтиками картошку с подсолнечным маслом и чесноком (горячую или уже холодную – одинаково вкусно!) или её же жареную на свином топлёном сале (другой еды почти никогда не было, разве что щи, притомлённые в печке-плите, и воспринималось это как само собой разумеющееся), пил чай и усаживался на огромный сундук, поставив ноги на табурет, и, расшторив окошко, разложив на коленях свои «причиндалы», принимался писать очередную историю... Если кто-то приближался к дому – шёл к нам – я сразу забрасывал «писанину» за сундук. В сельской местности нет такой профессии – «писатель», зато в литературе понимают все. (С самого раннего-то детства я рисовал (сначала котов и ежей, потом богатырей, потом... приседающую на корточках Яночку... но это уж потом...), но рисунки прятать от посторонних трудней; посему пришлось перейти на письмо – если кто зашёл, быстро захлопнул тетрадку, и всё.) Поэтому читателей (а вернее, слушателей) и критиков у меня за всё десятилетие было только два: бабушка и брат.

² Конечно, духовный, а не по крови, хотя изначально они оба как бы едины, и если не считать вырождения кровного от большого богатства или сильной бедности, именно проявляются сами собой не понять откуда в каком-нибудь седьмом колене (у меня, к примеру, все известные предки крестьяне, и ни у кого из родственников не было высшего образования); и вот даже, как сообщили мне недавно, двоюродная наша сестра, учившись на истфаке в Пензе (это уже поколение 90-х с нормой ВО), разыскала там что-то в архивах, что подтверждает некую причастность нашей фамилии к знаменитой боярыне Морозовой, чья судьба и есть довольно редкий и истинный пример синтеза обоих аристократизмов. (Хотя, скорее всего, всё же мне неверно передали или перепутали (у Феодосии Прокопьевны ведь не осталось потомства), и речь всё же идёт о других Морозовых, идущих от купца Саввы Морозова.) Пожалуй, ещё более фундаментальным свойством моей натуры (впрочем, как видно, неразрывно связанным с указанным выше) является некий мистицизм в восприятии реальности, но не книжный, а натурально-стихийный, позволяющий и заставляющий в обыденном видеть иное, чем, естественно, я довольно рано начал пользоваться в своём художественном творчестве. Надеюсь, что в будущих произведениях мне удастся ещё более развить названную тенденцию, привлекая к этому, помимо прочего, интеллектуальные ресурсы.

Однако, несмотря на все трудности моего развития (в пятнадцать-шестнадцать лет я ещё реставрировал и воссоздавал из пластилина котов, в которых мы играли с братцем с молодых ногтей, и писал всё про них же!!), жизнь не стояла на месте: лет уже с двенадцати появился такой персонаж, как некто Элблер Киссер, внешне срисованный с вокалиста группы «Модерн токинг» Томаса Андерса (а по темпераменту и статусу скорее с Элвиса), но соответственно, тоже кот, имевший титул не кого-то там, дворника, учителя или журналюги, а ни много ни мало «король музыки»! И конечно, вскоре он начал вести себя, как сейчас выражаются, неадекватно («звезда» как-никак – хотя тогда такими понятиями в широком вещании тоже никто ещё не разбрасывался!) – в основном, конечно, стал поддавать. У него завёлся друг-алкаш Кондрай – в честь местного грустно-прикольного одноименного прототипа, вскоре после появления двойника почившего в бозе от той же страсти. К четырнадцати-пятнадцати моим годам питье сделалось их основным введением (пили они почему-то исключительно бражку и барду – собственно, не путать со школой! – целый сериал историй вышел под ироническим заголовком «Сладкая барда») и главной темой моего юношеского творчества. А вскоре началось и в жизни...³

³ Вняв советам друзей и редакторов, я согласился перенести настоящее предисловие (исключая несколько вышестоящих абзацев и приложение к нему в виде плана) в конец, чтоб оно читалось как послесловие.

Приложение (ко 2-му Предисловию автора)

Только что вот обнаружил план анонсируемого произведения (клянусь, подлинный!) – двойной листок тетради с заголовком «Разработка «Рос. Диснейленда» – уж даже не ожидал, что тогда составлял планы! И что особенно поражает: по стилю он весьма похож на планы Достоевского!! (Которого, естественно, я вообще тогда не читал.) Не поленюсь – приведу его полностью, чтоб потом и самому вместе с вами сравнить замысел с воплощением.

И ещё одна ремарка, навеянная обнаружением этого документа: работать с собственными старыми текстами и архивами весьма увлекательно – наверное, так другие работают с чужими.

Итак...

КУН (*Никулин или КУН – так звался главный герой в первой редакции. В настоящем тексте – Ган, Леонид Морозов. Курсивом современные пояснения.*)

События заставл. его опускаться. Он деградирует (пьёт, курит). Кульминация барделей⁴ (штуки 3 описать), неотделим от Ях (*и*), Перекусов и т. п. (*Знакомые всё герои-то!*)

Мать заставляет его переосмыслить взгляд на жизнь. Резко бросает пить. (*Одна из ключевых фраз упомянутого в предисловии – теперь послесловии! – написанного начала юношеского романа, произносимая героем дядей Генрихом (Геной): «Резко бросать нельзя!..» – хе-хе!*) Требует. Распустившиеся Якхи начинают в пьяной ярости бить его, тут прибегают посторонние (которых развелось слишком много во время кульминации) и избивают и Ях (*и*) и М-зу (*Мурзу, Мурзу, Змея*) (опис. так: подбежали: – Куна содят! А эти его друзья! След. глава нач. так: КУН проснулся – всё болит – на нём Яха, тут же М-за и т. п.) КУН (постепенно?) разгоняет бардель.

Весна. Сев. Серж (*мой братец, как и в «Наст. любви»*) у Сажечки. Сажечка упохабливает Белохлебова. (*Фермеры-компаньоны и родственники, а на деле первый батрак второго.*) Саж. на первом плане, все его лучшие кач-ва, идеализация, контрастность с Белохл. Суперидеализация (очень положительный) и тёплая ирония в его изображении. Раз 2 появл. Б (*е*) л (*о*) х. (*лебов*) как «фашист» (забрал зерно из элеватора и т. д.) и хапуга (ворует из полевого стана аккумулятор). Включены истории из прошл. (*ого*) о Сажечке (гонял мать, о его отце – «такой же!», тюрьма, драки), «недавние» эпизоды (спал на земле и примёрз, «Я почти что хозяин!») и т. д. *Несмотря* на это он на высоте. (Чифирит.) Первоначально Белохл. «сделал из Саж. (*ечки*) человека», принуждение. Теперь Саж. держится сам. Он добрый, но *топорный* по сравнению с Белохлебовым-лисой.

Подвиг труда Серёги. Сажечка не заплатил С (*ержу*) за работу уже на его поле. Его фраза: «Я скажу, его иссодят». Блх. заступается. Разочарование Серёги. Хочет стать как Блхл., крахобором-ворюгой. Краткое сближение с Блх. И размолвка, ссора. Белохл. обвиняет С. в воровстве. С. знает имя вора, но не предаёт *почти* друга. «Падла». (?) => Решает действ. сам, полагаясь на родственников, видит в Куне брата, личность. (?) Препятствие выхода из колхоза. Собирает из стар. запчастей трактор.) Одна из главн. идей – чел-ку уже по св. природе нужна какая-н. зав- (*исимос*) ть – от чего-то (алк., нарк., курен., бытовых привычек, распорядка, работы) или кого-то. Некуда деть руки, некуда деть себя, держать себя в руках – и буквально, и в др. смысле. Ган пытается сознат-но создать себе завис-ть (*и*), которые лучше тех, что спонтанно мог. (*ут*) быть на их месте. Или использ. подручные – н-р, пьянство. Неск-ко другая – Стокгольмск. синдром, когда заложники «привыкают» и испыт. (*ывают*) симпатию к террористам.

Контраст Ган – Гонил^{ой} (*отриц. герой 1-й части и «Наст. любви»*). Профиль, Фестиваль (*герой «Чертей на трассе» и «Наст. любви» под именем Жека*), Бай-май (*его брат*), Боцман

⁴ Бардель – разнузданная пьянка, лихой кутёж, гульба. Видимо, искажённое «бордель». Не могу понять сам, диалектизм это или неологизм автора.

(тоже герой «Наст. любви»), Карлик; Шлёпин (тоже, кажется, упоминается в «Н. л.» под именем Петрова) (наступает беляк), Фома (знаменитый «Фома-полутруп» из той же повести!), Суслик (также эпизодически появляется в «Н. л.»), Царёк, Владик. Прогрессивные: Буржик и Шывырочек (деград. и душевная лучшесть).

Апогей. Бардели, состоящие из внешних героев. Предельный верх пьянства. Спали с откр. глазами, беляки («мотоцикл» и др.). Поездки в др. сёла с путешеств. (иями) ползком. Лазанье в школьн. погреб за картошкой, как у д. Васяни. «А сейчас мы вас иссодим...». Сожжение кота и Бегемота. (?! – вот это наверно любопытно!) (скачки по навозу). Приезд в упившуюся деревню (уехал пред. (седатель)). Ездили за бражкой на тракторе и снесли школьн. сарай.

Поездка на фургоне в др. деревню (с собой взяли Бадора (шантажируемого учениками учителя, см. ниже) для прислуги), рисовались (до этого места зачёркнуто), ехали за свиньями на дальн. ферму, прихватил председатель, обожрался вместе со всеми и с шофёром своим Дионисием Ивановичем; купание в 3 часа (ночи) и барахт. (ание) в воде. Как с гуся вода.

Короче, как говорит один мой молодой знакомый, вечный скептик и вещный технократ, богато, замысел многообещающий, посмотрим теперь, что из него произросло.

3

Г-н Белохлебов, первый наш фермер, решил прибрать к рукам соседнюю с нашим селом деревушку Моршановка, бывшую бригаду колхоза, со всеми потрохами: землю, сельхозтехнику, людей (собирал их заявления о вступлении в фермерскую ассоциацию, сулил баснословные зарплаты). Учитель математики по прозвищу Бадор⁵ выступил на уроках и в учительской, представляя Белохлебова в обличи кулака и тирана. Дочка фермера, пятикурсница-практикантка, учителька пения, рассказала об этом отцу.

Техника стояла у Белохлебова на задах. Под открытым небом. Тринадцатилетний Серёжка Морозов шёл к своему товарищу-однокласснику – он часто к нему ходил, по пути останавливаясь поговорить с фермером, или тот просил что-нибудь помочь.

Редкие снежинки плавно падали на землю. Как только они до конца спускались и прилеплялись к своим собратьям – тоже только что упавшим и какое-то мгновение покрывавшим проржавевшее железо тракторов, прицепов, промокшие дрова, стог «сгоревшего» за зиму – и ещё так же медленно тлевшего и сейчас, где-то там, внутри... – сена, воду, снег, лёд и грязную чёрную землю, то ещё мгновение-другое существовали – да и то уже почитай за счёт того, что другие уже садились на них, и на самом деле наверно это были уже не они сами, а они, другие... Вот так и братец Лёня говорит, что какой-то философ заявил, что существует вид, а не индивид (это что-то из учебника «биология» с дурацкими, интересными только нашим девкам картинками), и люди мрут как мушки без толку, не осознавая, а мой Ган с ним типа не согласен, и всё втирает исподволь, что его-то личность самая из всех фильдепёрстовая, что такие люди раз в сто, если не в тысячу лет рождаются! И он вообще круче и умней всех зараз – начнём с того, что по крайней мере у нас в ***ивке!.. Ну, ежели вот не считать дядь Лёню... А может и Сажечку! Что-й-то он их сам-то через каждое слово теребит и всё выпрашивает, что да как!.. Снежинки вот *все* уникальные, а толку? Пойду-ка посмотрю.

Белохлебов со своим помощником родственником Александром Подхвятилиным, именуемым по-родственному не иначе как Сажечкой, кружились около трактора. Серёга направился к ним. Ещё издали он услышал, что Белохлебов ругается. «На Сажечку!» – подумал Морозов. Однако эпитеты явно тому не подходили:

Чёрный! Муджахед шаршавый! Развели грузин^{ов} всяких!

Фермер кричал довольно громко и что немаловажно – прямо под ухо Сажечке, который продувал какую-то трубку.

Здорово, фермер, – обратился Белохлебов к подошедшему Серёге и опять за своё: – ... пахабный! чёрнищий! Вишь докатился: представлял меня – *меня*! Сука-сволочь.

Ну он же самый продвинутый учитель – ему можно, – по ответу подростка было видно, что он догадался, о ком и о чём идёт речь. Улыбка его говорила о настоящей, как бы уже взрослой иронии.

И опасная тварь, – загадочно прибавил Белохлебов и, в очередной раз удивляясь Серёге, подмигнул ему, нагнулся к самому уху помощника и начал перечислять старые эпитеты.

Сажечка даже улез под трактор, но Белохлебов, держась за раму, тоже весь изогнулся к нему, опять к самому его уху, и принялся громким басистым голосом орать:

– Серёжка, будешь фермером! Будешь, обязательно будешь. Бу-дишь!..

Наконец Сажечка не выдержал:

Чего ты взялся?!

Чаво?! – паясничал Белохлебов, – что ты сказал-то? Я либо ослышался, а? – А теперь наоборот пристально-театрально взглянул на Сержа.

⁵ Бадор (бадорник) – сорная трава, заросли сухой травы, бурьян (диал.).

Сажечка не отвечал, только улез ещё глубже в агрегат и принялся там усердно возиться и кряхтеть.

Смотри сюда, когда с тобой разговаривают! – почти по-военному скомандовал Белохлебов, бывший прапор, «сундук», как пятнадцать лет его называли по месту службы, – а патрубок отпусти, хватит им стучать по раме – я-то знаю, что ты специально!

Александр Васильевич Подхвятилин, человек уж о второй жене и четырёх ребятишках, но росту исключительно невысокого и весь довольно-таки шуплый, как бы ссохшийся, с подчёркнутой покорностью вылез, отпустил патрубок на землю, сбрюзжил свое круглое красно-загорелое маленькое *лицо*, примечательное чрезвычайными горизонтальными морщинами на небольшом в принципе лбе, надутыми и вечно обветренными, как у какого-то там Филипка, губёнками и вечно недовольным общим своим выражением, начал что-то мяться и шептать невыразимое исключительно для воздуха.

Так. Я наверно, бишь, ослышался, да? – сильно переигрывая, повторил свой вопрос начальник.

Ослышался... – как-то прошептал, почти пропищал Сажечка, сдавливая челюсти и незаметно скрежеща зубами.

Два фермера, как сами они себя именовали промеж себя, отошли.

Я ведь тоже в курсе, – признался Белохлебов.

У Гана моего идеи всё одни и те же: он просто посоветовал *тянуть*.

Да и мне то же самое! Хотя за такое преступление – всё же надо в ментуру...

В это мгновенье они оба вновь почувствовали, как и в другие многие разы, что каким-то образом действительно сейчас равны и откровенно на «ты», что непонятно, кто играет во взрослого, а кто в подростка.

Ментура подождёт. Шантаж, конечно, дядь Лёнь, сам понимаешь, дело гнилое...

Правда, Серёжка, правда-истина! А клевета?! Я его, чёрного, затаю! Ты только, Серёж, начни, мне-то несподручно... А потом я как подключусь – он у меня враз побелеет!

Или покраснеет, как Сажечка.

Ага-ага, Серж, как Сажечка! Хуже.

С тем и расстались.

4

«So I began a new life», значилось в записке, напечатанной Ганом на Белохлебовском компьютере – единственном в селе, которым *руководить* (слово бабушки) мог только один человек – он, Леонид Морозов! – и направленной по почте Бадору. Учитель, хоть в своё время вроде и учил английский, мало понял...

Уже все забыли про бардели в вагончике фермеров (тогда они были ещё арендаторы, а бабушкина родственница, тоже бабка, звала их «да эти... реакторы!»), да и дискотек давно не было по причине того, что на 23 февраля вся мужская половина «участвовала» (как писали потом девочки за мальчиков в объяснительных) в конкурсе «А ну-ка, парни!», и притом (это главное) все педагоги, глядя на них, только и думали: лишь бы не упали. И притом – это тоже немаловажно – уже известный нам ученик Губов кидался драться на директора (чего никогда не бывало, даже от таких кадров!).

Леонид Морозов опять провёл пару параллельных прямых, зная, что по нешкольной геометрии (может быть, не такой бестолковой, тошно-муторной и абсолютно бесполезной, ну или где хотя бы *все* задачи сходятся с ответами в конце!..) они всё равно легко пересекутся «чуть дальше» и, как он выразился, «объединил в систему два события». Чистейшая, по его же выражению, панк-математика:

1. *Шантаж Бадорника.*

2. *Надо проводить дискотеки.*

Перенеся из первого уравнения г-на Бадорника, он получил:

{Надо их проводить за счёт оного.

5

Серёжка уже дважды посылал учителю письма с просьбой выделить пять тысяч «на общие нужды». Ни на что в них не намекалось, если не считать подписи: «Свидетель. Число такое-то, д. Моршановка».

По компьютеру понятно, от кого послания, поэтому сначала отправляли с почты в ***вке или в районе. Потом всё же перешли к более решительным шагам – тем паче, что до своей-то почты буквально шагов десять по грязищи.

Ган же послал ему письмо с заверением, что денег никто впредь требовать не будет, и что некое «другое письмо» отправлено «на хранение» кому-то «кому надо», и «в случае чего» будет незамедлительно переправлено «куда надо». «Большая просьба (Мы думаем, Вы догадываетесь, от кого) провести сегодня в школе дискотеку».

Старший Морозов был большим любителем вывешивать объявления.

Все знали, что санкции директора нет, но всё равно пришли. Бадорник, раздобыв где-то ключи от школы, как ни в чём не бывало открыл двери, настроил аппаратуру... Все были, как произносит бабая, очень *ради*. Соскучились! Вроде бы и начали во всю прыть, однако пляска что-то не шла...

Ган призвал единственно пьяного однокашника Яху (знакового нам того ещё атитектора⁶) и убедил его набраться наглости подойти к Бадору и послать его – учителя! – за самогоном.

Педагог долго мялся и отнекивался, едва не теряя вслед за Яшкой дар русской речи (он отлично говорил, да и выглядел вполне по-нашему, только имя имел несуразное), и искоса поглядывая на Гана, сидящего чуть поодаль, тоже стреляющего глазами, но вроде как создающего вид, что он тут ни при чём. Никак не мог поверить, что его самый талантливый, можно сказать, любимый ученик докатился до такого. Но деваться некуда: бабушка рассказывает, что в тюрьме *мешок резиновый* есть... Вскоре Бадорник отправился по заданному адресу (думается, у него тоже была хорошая бабушка).

Два литра мутного счастья. Потом ещё пробежка до дому (благо живёт недалеко) – и «от себя» литровка ликёру плюс закусь. Ладно ещё б Морозов или Белохлебов, или даже Серж, а прислуживать всей этой шантрапе уж совсем унижительно!..

Все барахтались навеселе. Один наблевал. Ган даже попытался извиниться за своего товарища. Бадорник по привычке хотел распорядиться, но подскочил более красноречивый Серёжка с более живописно пьяным Губовым и тоном колхозного председателя или Белохлебова сказал: «Ну не мне же убирать! Иль можть ему?».

⁶ Атитектор – так бабушка называла человека, склонного к мелочно-злобному озорству, подхалимажу, постоянно затевающего что-то неприличное, пытающегося всем напакастить, обвести вокруг пальца.

6

Серёжка был действительный работник колхоза, правда, сам не знал, в какой должности. То им того, то им сего. Частенько всех вытаскивает из сугробов на машине или на тракторе, бесплатно консультирует по любым техническим вопросам, подгоняет какую-нибудь шайбу, прокладку, скобку... Все пьют, а он пока нет – вот и доставляй всех кто на рогах по домам – вместе с транспортными средствами. И им польза, и ему любимая практика.

Собрание было в субботу. Серёжка как колхозник присутствовал. Три председателя – вдумайтесь: три! – присутствовали на местах. Каждый из них претендовал на место председателя одного нашего бедного – но кое-что ещё *пока* осталось – колхоза. Г-н Белохлебов просто хотел получить бригаду (пока). С района было самое начальство и десять омоновцев с резиновыми дубинками. В школу набились человек триста. Скооперировались по группам поддержки – по сотне на кандидата. Активисты в драбодан, оченно многие просто припивши, науськанные, короче, навзводе. Возникла давка и заминка, и районное начальство объявило, что собрание не состоится «по причине отсутствия кворума». Начальство уехало, забрав ОМОН и «всю власть».

Началось троевластие, то есть безвластие. Один председатель провозгласил, что он начинает собрание «как положено». Те, кто были против него, матерясь, ушли. Никакого русского бунта – скотину ведь убрать надо до «Просто Марии»! Остались сподручники, коим были обещаны разные вещи, активисты, коим намекнули на водку, да пенсионеры, коим лишь бы поглазеть – может, у них телевизоры изломались... а точнее, своих-то у многих и нет...

Началась, как говорит бабана, кукольная игра. Его величество выбрали на пост, причём единогласно. Причём г-н Белохлебов снимал на камеру, а Ган ему помогал.

7

В понедельник директор выступал на очередной линейке:

«Как же вам не стыдно? К школе подойти нельзя! Вчера... то есть в субботу, тут происходило собрание, много людей стояло у школы... Все председатели, с района начальство... А тут такие вещи валяются на каждом углу – даже мне стало стыдно за вас!..»

Ученики только смеялись (почти вслух) и не испытывали ни малейших угрызений совести. Под словами «такие вещи», если вы не поняли, скрывались не презервативы, как в городе, и даже не блевотина, как это заведено по обычаю, а ещё кое-что более существенное...

Однако директор, как ему казалось, повода для смеха не подавал: «Я решил вас наказать: больше дискотек не будет до конца года, а при повторе подобных обстоятельств может даже и выпускного...»

На это заявление ученики отреагировали весьма своеобразно.

8

2 марта 199... года

Белохлебов опять крыл Сажечку.

– Куда ты дел проводки?!

– К-какие проводки? – как-то без выражения недоумевал помощник, грязными ссохлыми ручонками перебирая болты в коробке.

– Смотрите, какое спокойствие! Ты издеваешься?! Куды ты их дел?!

– Кого? Не знаю никаких проводов.

Подошёл Серёжка.

– Чё ты, дядь Лёнь, его теребишь опять?

– Да вот этот вот l'esprit profond сдябрил провода от аккумулятора и не признаётся.

– А что это «профонд»?

– Профан по-нашему, – подмигнул Белохлебов и укатался.

– А ты что, дядь Лёнь, французский знаешь?

– Да всего помаленьку. Приходится вот, Серёж, и не такое изучать... – неудачно соврал Белохлебов. А догадливый Серёж подумал: теперь «Пуаро» на кассетах купил. Десять кассет такой хренотени – это только по его деньгам!.. Хотя, как оказалось после, тут он всё же ошибся: Ган сказал, что сериал английский.

Сажечка по обыкновению зарылся (на этот раз в болты) и как бы для создания фона беседы фермеров как кот проурчал: «Заколебал ты своим профаном».

Белохлебов подмигнул Серёжке и нагнулся, как в тот раз, к Сажечке.

– Так, давай проводки!

Сажечка даже вздрогнул, а Белохлебов опять рассмеялся – видно было, что занятие сие доставляет ему удовольствие.

– Какие проводки? – прошептал коленопреклонённый на сырой земле и неказистой промасленной тряпке работник.

– Красный и зелёный. Соединяли генератор и аккумулятор!

Да не видал я их!

– А я знаю: ты взял!

– Я не брал.

Поражаясь выдержке своего подчинённого, главный фермер опять захихикал и наклонился теперь к Серёжке: «Кхи-кхи, я знаю, что это не он – но уж больно чудно...» Затем вернулся к Сажечке и принялся наянно настаивать на своём, упоминая даже про какую-то бомбу, которую «себе на уме» помощник якобы тайно конструирует, и наконец Сажечка не выдержал:

– Ладно, щас принесу!

– Давно бы так.

Предмет насмешек ушёл, даже почти не оставляя следов по свежему пушистому снежку.

– Что там у вас нового в школе? – поинтересовался фермер, щурясь, смахивая снежинки с ресниц и сдувая их с носа.

– Да ничего.

– Как ничего?!

– А! – как будто только что вспомнил «второй фермер», – Кенарь дискотеки отменил. А у моего соседа – и твоего соседа – Драбадора, хриплого деда, корова вот подохла...

– Ну и!.. – не терпелось фермеру.

– Докладываю, – рапортовал Серёга, сначала пародируя директора, а потом совсем забывшись от веселья пересказать такую небывальщину. – Учащиеся взяли вечером кишки и при-

волокли к порогу учебного заведения. Началось подбрасывание их кверху. Кончилось оно тем, что кишечник повис на трубке для крепления флага, как раз заслонив надпись «***ивская средняя»! Когда было собрание, снять ещё не успели, и Кенарю от начальства высказали: вы что, мол, тут развели. Он принёс стул, встал на него, тянулся-тянулся – все мужики удохли – так и не достал... Потом призвал курж... ого. Бадор, этот хоть и побольше, тоже не достал, пока Кенарь не принёс швабру, сам залез, а когда сбивал – велел тому ловить. Ну он и поймал! Все в покат лежали. Бегом побежал кишечник относить, а потом домой поскакал костюм менять!

– Кхе-хи-кхи-хе! Кишечник! – искренне увеселялся Белохлебов, – жалко я не видал!

– Короче, дядь Лёнь, дискотек больше не будет, – грустновато подытожил рассказ школьник, как бы ожидая реакции старшего.

«Не будет»! Надо будет – навозу наплунжерим, не то что кижечник!

«Как-то абстрактно», – подумал Серёга.

Вернулся Сажечка с проводками – как провинившийся Хрюша из передачи «Спокойной ночи».

– На...

Белохлебов едва сдерживался от смеха.

– Я так и знал, что ты взял!

– Это мои...

Оттолкнув от себя Сажечку «как кобеля», Белохлебов отвёл Сержа в сторону для некоей конфиденции.

9

7 марта

Под конец официального мероприятия – как всегда убогих, но зато крайне благопристойных посиделок с чаем – в школу стал подтягиваться совсем не тот контингент, и уже в соответствующем настрое. Многие говорили даже о том, что вычитали в объявлении на клубе, что будет бесплатная дискотека с бесплатной (особо подчёркиваю!!) выпивкой и закуской. Организатором мероприятия выступает, конечно, ни в коем разе не администрация школы, не какое-нибудь Районо, и даже не благочестивые наши фермеры-благодетели (ради ухода от налогов окашивающие края *дороги в богадельню*⁷, и считающие, что это достаточная индульгенция если не «на долгие года», то «на сезон» уж точно), а вполне уже себе известная фирма «Российский Диснейленд».

Ган стоял на входе – как будто просто так, а сам как бы принимал гостей. Каждый, даже из самых матёрых, подходил его оздоровать и что-нибудь спросить. Родители и учителя становились с недоумением (их чуть ли не выпроваживали) и – с встречным потоком...

Минут через двадцать он, в первый раз в жизни покуривая в школьном коридоре (сигарету своего любимого «Лаки Страйка»), прошествовал в центр его – словно директор перед линейкой, даже изображая Кенареву приземисто-осанистую походку и украшающую оную несуразную отмашку ручкой – и, картинно затормозив и прищёлкнув пальцами, провозгласил: «Маэстро, музыку!»

Возникло превратившееся в рефлекс «Но-но!...» – завсегдашняя «первая песня с первой стороны». (Техно-ураганы группы «2 Unlimited» – конечно, не так романтично, как «Модерн токинг», зато драйв и позитив – для барахтаний-то самый насос!). Все пустились в танец: невольно вытеснив виновниц торжества, на манер какого-то обдолбанного боксёра из боевика водя в воздухе кулаками, выпатив грудь, расставив ноги и попеременно в такт музыке их выставляя, напружинившись или вихаясь всем корпусом, неизменно соблюдая ритуальный круг...

Сделав «Двойной беспределъ», публика запыханно замерла, видимо, подумав о главном, тут Ган махнул Бадору – потекла медленная композиция «Ю-96», и далее, как и ожидалось по логике вещей, последовал властный приказ: «По стопке!» и их раздача.

Учитель, тоже видно недавно вкусивший знаменитый роман «Мастер и Маргарита», решил, что «не так уж это и зазорно», и принялся за своё несуразное дело не без энтузиазма и артистизма. Притаив, словно свечи, огни светомузыки, он, в своём блестящем («блистючем», как прозвали ученики младших классов или, по версии старших, «бляцком») костюмчике – что твой Амаяк Акопян, только без чалмы! – Бадорник показался из учительской с огромным подносом в руках. Слегка пританцовывая (или это только показалось от мелькания огоньков), он обносил всех присутствующих, пытаясь не споткнуться, раскланиваясь, кивая, как китайский болванчик, и вежливо предлагая водочку и бутербродики-канапе, которые полушкольники наши почему-то сразу называли кашпо.

Да и известно почему: года три назад приехав, сам он привёз в деревню много давно позабытого нами энтузиазма: вёл кружки плетения всего из всего... в том числе особенно много оного (тоже плетенья с энтузиазмом) и спортивного даже азарту от супружницы своей – с непропорционально толстой задней частью ея повадившейся вести шейпинг, а заодно и научить всех вести себя в обществе – и даже – смешно и страшно сказать – на дискотеке (всё

⁷ Основная, сквозная дорога села, полкилометра от центра к окраине, где находятся колхозные склады, а также больница, в которой некоторые бабки практически живут.

это под эгидой «Этики и психологии семейной жизни»). Первые полгода плели все поголовно, даже Губов с Сибабой чуть не на шейпинг приходили устраиваться! (а оба Морозовых были на особом счету как таланты). Но вскоре однако вот у ребят же оказались иные увлечения...

Первая партия – 25 стопок под 45 бутеров – разошлись мгновенно. По своему плану он хотел было на этом и завершить (ну, то есть первый этап, «после первой песни»), но даже самые мелкие и приличные при свете дня ученики напомнили своему «странному-иностранному» учителю (хотя он давно обрусел) любимую русскую застольную приговорочку. Пришлось сразу вытащить и поднос №2, и №3, и даже №4 и 5!

Когда Бадор по указке Сержа толкнул заснувшего на подоконнике г-на Губова (облагорожено прозывающегося Губов-Шлёпин, а в простонародье просто Шлёпа) и вместо всего своего «особо вежливого» сказал ему (несомненно, из гуманных побуждений: чтоб человек понял с пьяных глаз) простецкое деревенское: «Будишь?», тот взревел и зафутболил ногой по подносу.

Сие, конечно, стало последней чашей и каплей преткновения. Бадор даже выключил музыку, «всё бросил» и, сильно хлопнув дверью учительской, скрылся – собираться домой. Туда же следом вошли братья и ещё несколько людей из их братии. Ган демонстративно набрал номер – не длинный, не короткий, а так, средний...

– Аллё, милиция?

– Так точно, – отвечал на другом конце провода уставший голос Белохлебова (в деревне расстояния короткие, поэтому из трубки слышно и посторонним), – дежурный, лейтенант Петров, слушает...

– Да вот у нас тут один человек преступление совершил...

– Так. Фамилия, где, когда... Откуда вы звоните? Назовите адрес!

Поймав злой взгляд учителя, Ган положил трубку, деловито-валяжно закуривая.

В следующий момент тот рванулся к ученику, но его быстро прихватили заранее специально для того приглашённые рослые товарищи.

– По черепу, что ли, сыграть?... – задумчиво произносит Морозов, постукивая пластиковым мослом по зелёному наглядному черепу на подставке. Странно осознавать, подумал он (мысленно почему-то представляя, что это говорит ему Серж, а он слушает, поражается и смеётся), что у тебя тоже такой есть... У Яхи, Швырочка и Сажечки – маленькие черепки, и когда их найдут археологи, будут говорить, что ещё и в наше время жили неандертальцы, а то и питекантропы (если скелеты Папаши и Шлёпы!), а у Кенаря черепная коробочка уж какой-то неправильной, или как ему самому кажется, *особо правильной*, основательной такой формы, как голова у Винни-Пуха из советского мультфильма!.. а у Бадорника – с усами! Кхе-хе!..

Видно было, что он сам поражается своей психологической проницательности, наслаждается поражением противника.

– Давай мы лучше ему по печени сыграем! И по почкам! – с готовностью выступают наёмники, заламывая руки учителю.

Серж смеётся, тоже довольный, даже больше всех, а Бадор проклиная себя, причитая себе под нос, потом берёт очередной поднос, потом ещё...

10 (бывш. 11)

Короче, своего любимого Пуаро Бадорник так и не посмотрел.

Да и что говорить.

А на другой день всё повторилось. Известно ведь издревле: повторение – мать (нужное подчеркнуть несколько раз!):

- обирания,
- обдирания,
- обжигания,
- обжимания,
- обмирания.

Это всё конечно да, но особенно-то, конечно же, обжирания!

Правда угощение было уже поскромней – бедный учитель (а где вы видели богатого, щедрого учителя, и чтоб он не ныл об своей зарплате да и не списывал на сей счёт добрую часть своей вредоносной профдеятельности, а может вернее даже – бездействия!..) уж что называется «вынес из дома последнее»: палку сухой колбасы и многолитровую банку квашеной капусты. Первое всем знакомо не меньше, чем второе, как будто ещё более родное, но вожаденно и дома имеется, наверно, только у преда⁸, второго преда, Кенаря да Белохлебова... да вот ещё почему-то у Бадора!..

Публика-то, честно говоря, подобралась, как говорят ея бабушки, нескобежливая, а вот Морозов старшой-то ещё прям с детства, как выражаются мамы, имел столь чуждые своим среде и происхождению аристократические замашки, и в первую очередь в еде. А Серж имел, как мы знаем уже, затеи. Короче, за неимением яств, Бадорнику постоянно пеняли: мол, скатерть вся обляпанная, надо бы новую... И он несколько раз вынужден был летать до дому, пока не принёс их оттудова целую пачку тряпок, чуть ли не штор своих и простыней – и так застилал стол 11 раз («Если же и к одиннадцатому часу ты опоздал...» – на бегу повторял он про себя что-то из случайно услышанной по ТВ Пасхальной службы), пока уж трапезничающим не стало всё равно!..

Наш Яха, достигший шестнадцателетия врождённый атитектор, обкушался настолько, что ужо что называется не барахтал себя – или как он сам переиначивает данный общеизвестный морозовский термин: «Ни магу паряхаться!». То есть ему очень хотелось танцевать, но он весь уже пообмяк и не мог управлять собой, а токмо вяло шатался и болтался, едва держась на ногах. Повторим, что весь вид его выражал энтузиазм выразить себя в высоком полёте искусства танца – это вам не плетение, целлюлитом, он как прочие, прости господи, не страдает, а всё туда же – показать и выразить себя – посему и приземлился вскоре на копчик. Хорошо, что не на самый его кончик, да и благо анестезия.

(Но дальше-то, ей-ей, будут у нас пируэты и приземленья пожёстче!)

Серёжка указал на него г-ну местному секьюрити и половому как на вопиющее упущение.

– Не понял я! Гля: на полу валяется – а вы всё курите! – неожиданно выпалил Серж, имитируя знакомую интонацию Белохлебова.

Бадор как бы застыл, не зная что предпринять.

– Человек непьющий, хочет улучшить свои ощущения! Давай, барахтай его! – прибавил ученик.

– Извините?..

⁸ Пред – председатель колхоза.

– Парахаться!!! – заорали все, кто мог, удыхая, в том числе и кое-кое-как поддакнул с полу и «виновник торжества» Яхо. Он только валтузился и вякал-икал – как-то даже жалко было на него смотреть.

– Поднимай, во-во, и давай управляй им, а я тебе буду подсказывать, суфлировать, – входил в азарт Серж.

– Вафлировать!.. – отозвался намного более крепким вокалом тряпичный, и кукловоду ещё повезло, что сразу после подъёма рывком и пары резковатых движений его подопечного вырвало, за счёт чего и произошло не менее рывковое переключение темы.

Музыка играла. Часть гостей сидела за столами, часть барахталась, но увидев содеянное, многие завякали – кто по правде, кто для пародии, причём последние явно перестарались... Всё это, конечно же, было уже явным намёком тому, кто тоже так же должен был их обслужить, – он уж стоял полусогнутый и с закаченными глазами с ведром и утиркой над изгваздавшимся, матерящимся и отплёвывавшим колбасно-капустные хлопья Яшкой...

– Будешь парохаться? – спросил Серж у Яхи. Тот мотнул вперёд кудрявой головёнкой с потухшими глазками и совсем обмяк.

– Давай его. Пусть вихается как положено, – приказал и Морозов.

– А этих кто обтирать будет – я, что ли? – раззадорившись, наперебой озадачивал его и младший.

Под конец вечера Бадорник принуждён был обходить всех по кругу, улыбаясь и раскланиваясь и проговаривая: «Извините, не желаете стошниться?..» Отвечали ему не очень вежливо, все харкали в ведро, явно стараясь самой харкотинной попасть ему на лицо, а особенно конкретно – в усы.

А что поделаешь: говорят, в каталажке мешок резиновый есть. Бабушка рассказывала: довелось ей как-то в городе побывать в участке, и тут заходит такой краснорылый детина и, запыхавшись и дыша чесночищем да перегарищем, спрашивает у минцанера: «Начинать?!» Улыбается: щас, мол, женщина уйдёт, и начинать. А тот уж томится как бы, мнётся весь, потирая кулаки: щас, щас начну!.. А что это у вас, она говорит, я спрашиваю. А он грит: щас в мяшок резиновый посодим, шоб не видал, кто бьёт, и давай. За стакан, сказывают, нанимаются. Времени с той поры прошло немало, но кто его знает...

Вот так вот оно.

11

Расходиться, конечно, никто уж и не помышлял, а вот по нужде пойти на улицу кто-то ещё сподобился. И из-за прославленного своими метонимически с ним сопоставленными делами угла школы был увиден на фоне кроваво-красного и чёрного горизонта зловещий силуэт директора (распознан, как вы понимаете, по характерной походочке с отмашечкой).

– Ребзо, атас! Кенарь!

Директор в споре фермеров и председателей играл и нашим и вашим: он не мог понять, кто из них победит, и *что* победит вообще (почему бы из района не сказали ясно, как раньше, что делать?!), и внутреннее убеждение его было одно: побольше основательности – так всё начальство делает, а что поделаешь... – а уж что ты при этом поддерживаешь, капитализм или социализм, не столь уж и важно.

Официант, собиравший уж посуду, ажик уронил её и что-то расколол об свою полукапустную банку-бутылку.

– Бей посуду – я плачу! – воскликнул Морозов, сделав вид, что оттолкнулся лапами, как в каком бассейне, от чахнувшего, как Кошей над золотом, Сора, и полетел назад вместе со стулом. Тут же Шлёпа, тоже сидевший-дремавший недалеко с погасшим окурком в грязных ручищах, очнулся, подъехал на своём стуле и *в натуре* пихнул пяткой под зад неуклюжего педагога, так что тот куртыхнулся вбок, проронив последнее.

Все, кто ещё отчего-то и почему-то пребывал не совсем на полу, вмиг очутились на нём, в буквальном смысле слова укатываясь.

Бадор вскочил с горлом бутылки в руке, озверев, бросаясь на Шлёпина... Но тот знай себе неспешно оттолкнулся и с грохотом кувырнулся на тяжёлом стуле, сильно саданувшись головой об плинтус и хряснув хребтиной, издав даже неподдельное «уй-я!».

Бадор, опомнившись, застыл, вытаращив глаза, нервно поглаживая усики.

– Клим Самгин, б... ть! Давай самогон, гандон! А то щас «и начистила ему ейной мордой»! – как ни странно с литературным наездом подкатил ибупрофен наш атитектор – и двоечник! – кудрявый Яшка: отплёвываясь и трепыхаясь, угрожая белым скелетищем от рыбы (вынутым из только что разбитой двухлитровой колбы, откуда спирт когда-то ещё выпили, такова легенда – и Яхе, и Морозовым отцы рассказывали) – тем самым пресловутым экспонатом, который Сор когда-то взялся починить (домой спереть – смеялись ученики, и косные учтиля тоже засомневались и «не дали санкции», так и остался он на окне в учительской, кем-то засунутый вместо цветка в едва не единственное уцелевшее кашпо!).

Гану очень попондравилось; из других, кажется, тоже кто-то понял.

Призвал своего сотоварища и одноклассника Мурзу (Мирзу, Змия) и велел сопровождать учителя и сектанта в нелёгком деле непущания Кенаря.

– Давай, Витёк, мочи и поскакали! – нахлобучил тот учителю хрущачино от зелёного свекольного змия. – Я из Хасывьюрта – и ты из Хасывьюрта.

– Я не из Хасавюрта, я только там был. И у нас пьют только виноградное вино и коньяк хороший; я не пью вообще...

– Рая!!! Запарил!! – заорал, прысая слюной, что твой доктор Ливси из мультика про остров сокровищ, маленький зубастый Мирза. – Свекольное вино – белое, полу... сладкое, с сахаром ещёща... хгм-ха!... Теперь вы!

Пока тот отфыркивался в усы, энтот ещё успел (походочка у Кенара-то основательная!) выскочить с порога школы и сорвать с клёна палку, на которую – «прямо перед носом начальства!!» – школьные двери чудесные и закрылись как сами собой изнутри.

Как только директор начал произносить текст и что есть мочи стучать и дёргать, а учитель, пуская слюни в усы (иль ему обплевали всё же?..), кое-как удерживающий двери

за счёт корявой тонкой кленовой палочки и даже упирающийся время от времени ногами, пьяно-утробно ворчать: «Больше нъ мьгу», Змий наш, раскуривавший самокрутку из само-сада и какого-то школьного объявления, сталдохнуть уж и до нехорошего – что называется «в слюни», с задыханиями и жёсткими спазмами.

– Кто тут? Это вы, Александра Петровна? (уборщица). Выходите сейчас же! – то есть откройте! Я видел: свет горел! Откройте! – кто там держит дверь?!..

В периодически возникающую щель Мирза ещё успел выбросить окурок, угодивший Кенарю в лоб. Ну это ещё чё – чрез мгновенье ветка перехруснулась, и Бадорник угодил в тот же лоб своими усами, и оба они покатались кубарем; а потом ещё не раз взвозились на обледеленном пороге, пытаясь с него одновременно встать и в то же время удушить друг друга да не дать то же сделать один другому.

Успев над схваткой проглотить и прокашлять ещё одну козью ножку, Мирза пошарил в полутьме раздевалки и нашарил там своими несуразно несоразмерными глазищами какой-то завалёный пояс от чьего-то пальтишка.

– А ну, Витёк, Рая!! – кликнул он учтилей.

По-видимому, хмель и усталость возымели своё действие над человеком: отупевший Бадор держал директора за кисти рук, не допуская его схватиться за ручку двери, и что-то фурычел.

– Ну, Рая, пхни его, Витька!

Воспользовавшись паузой отвлечённого учеником вниманья, Бадорник быстро как-то перехватился, а потом обеими руками толкнул директора в грудь.

– Быстренько! – скомандовал Мурза, закашлявшись, как чахоточный.

«Мы фигачим каждый день...» – напевал он, набивая трясущимися руками очередную самокрутку – с собой для этих целей у него носилась баночка из-под гуталина.

Первый парень на весь край,
На меня все бабки в лай —
А-а-а, ну и няхай!..

«Сектор газа» – самопальная музыка, идущая не откуда-то оттуда, издалека, а от простых воронежских (соседских) пацанов, у которых просто есть время, инструменты и нормальный магнитофон для записи, а напеть-то это может каждый!⁹.

И от себя что-то вроде баю-бай:

Рая, Рай!..

Вскоре директору надоело слушать и дёргать, а может быть, он вымок уж не только от валяния (тоже весь извалтузился!), но и от дождя со снегом.

Главное, чтоб милицию не вызвали (хотя из района ехать ради какой-то школы...), подумал Мирза и запел опять (если это заунывно-гнусавое завывание «под «Сектор» можно назвать пением) – что-то про потусторонние часы, которые пробили не сколько-то там раз, а прям

⁹ Можно продолжить, что «СГ» – своего рода музыка нового русского фольклора, *ещё* чуждая как слащаво-прилизанной синти-попсы, так и так называемого гламура, как политкорректной (якобы антиполиткорректной) патетики рока, так и уёбищно-казнокрадской романтики «русского шансона». Может быть, это один из первых образцов того, что автор этих строк назвал в 2007 г. термином «гломур» – произведения искусства или имиджевые факты биографии, в которых совмещены в сущностном единстве элементы гламура и антигламура. Так, говорят, например, о гламуризации личности Ленина или Гитлера, но это постфактум-процесс, а если бы они жили в наше время, то, скорее всего, сами использовали выработанные современной медиа-индустрией законы массового восприятия. Типичные представители – Мэрилин Мэнсон, Сергей Шнуров.

сорок кряду, и мутантскую, видимо, кукушку, которая «гаркнула в трубу», да что-то социальное – про «наш тамбовский рупь».

12

Уже в полночь Леонид Морозов, успокоив гостей вновь посланным за сэмогоном гонцом, взял себе стакан и два мандарина (откуда они?!), ключ и ушёл в биологический кабинет, пообещав публике и спонтанно образовавшемуся распорядителю Мурзе, что через сорок минут придёт поужинать с ними и плясать.

Зашёл в класс, сел на парту, стакан поставил подле себя.

Всегда что-то делаешь, хочешь добиться чего-то, высокого, недостижимого... Но иногда бывают моменты, когда возвращаешься на землю, понимаешь, что ты неудачник, и все твои действия ничтожны, мечты несбыточны, желания – грязь и пошлость.

Леонид Морозов понимал, что он не классический «первый парень на деревне» или «на весь край», как в той разухабистой песенке, но считал себя всегда, да и ставил частенько, выше других – уже давно принял на себя роль некоего предводителя всей бражки, хотя и как бы негласного и неофициального, почти что теневого, а как бы получалось – идейного вдохновителя, подстрекателя и зачинателя всех не имевших практического смысла и пользы дел.

Морозов был выбит из колеи, что за последнее время с ним случалось довольно часто. Вроде бы всё о'кей, ты на высоте – *в этом мире, среди этих людей*. А что эти люди? Они тебе не ровня... хотя перед Богом все равны...

Лёг на спину на парте, замер, рассматривая едва уловимые, расплывчато-инфузорчатые тени от хлопьев снега, которые транслировались светом от не так уж близкого фонаря у магазина из высокого окна.

Почему именно я должен ворочать этими грязными делишками? Шантаж, унижение личности... пьянство, наконец! Почему бы мне как каждому из «гостей» не прийти на готовое, поесть-попить, побарахтаться и обихвалиться в своё удовольствие?! Нет, господа-товарищи, я такой человек! типа чудика из рассказа Шукшина. Что, мне нечем заняться?! Я ж как-никак талант, творческая личность! Читай книжки, смотри фильмы («Самые громкие преступления XX века»), рисуй, пиши стихи и прозу!.. А он – знай себе! То этот бардяный колхоз (хотя сейчас и к нему не подхожу), то своё хоз-во (нэвозь!), то теперь вот фермеры... Это, конечно, дело нужное, без этого нельзя: деньги-то надо зарабатывать. Хотя, в бордэль, год на видак не заработаю... вместе с Сержем! А естся одна картошка... Да пьётся стаканище вонючий – уже тридцать третий раз!..

Ган привстал, потянулся к соседней парте, взялся за стакан, и, соотнесясь со своим полувидимым отражением в стекле, опрокинул его. Проморщился, отплевался, выделив одну дольку, закусил. Ещё – луна...

...Я человек-оригинал, хотя хвалить вроде себя и нельзя, но кто ещё похвалит... Опохабить – это у нас завсегда. Замнут, раздавят, и сам сгорбатишься – не успев и разогнуться как следует!.. Мой прадед пахал, дед пахал (передок у трактора подымал, хвалясь пьяною силой своей!), отец пашет, и я начинаю, втягиваюсь, как говорят...

Да мне уже третий месяц шестнадцать, а я к девчонке ближе чем на два метра ни разу не подходил! Даже танцевать пригласить не могу – даже Яночку! Глупой, они того и ждут! А может и нет; я же зачмырился (хоть бы и в своих глазах) и вид-то у меня наверное ещё тот... извиняйте... Профан-недоучка. Профан и дуб, как есть. Дуб-жёлудь!

Кто-то, тихо открыв и закрыв дверку, вошёл. Морозов очнулся как ото сна и приподнялся, мотая головой. Кристина. Чуть пригляделась.

– Что ты тут лежишь-то, Лёнь? Пойдём танцевать.

Ган вновь завалился. «И откуда тут бабы-то взялись – их же не было вроде?.. Да и поздно уже... И дверь я вроде бы запираю – неужели забыл?!» – несло у него в мутной голове, свисавшей с парты, и видевшей картинку Кристины вверх ногами – как когда-то ещё в старом клубе

пьяный киномеханик «широкого профиля» (получивший за это извечную кличку Профиль) пьянищий заряжал бобины киноплёнки, забыв предварительно перемотать... и, на минуту бросив семечки, ему из зала орала в окошко завклуб: «Палыч, вверх ногами!»

Девушка принялась причёсываться перед стеклом шкафа и оправлять мини-юбочку – наверное, для Лёньки. Всё с расчётом – ничего, ведь смотрит. И поправит, и ногу подымет... Но Леонид никак не проявлял своего внимания – «ему не до этого» – ему всегда не до этого!.. А ведь симпатная девчонка! Просто не может он с ними...

– О, какие красивые рыбки! – подошла она к еле-мутно мерцающему аквариуму. – Похожа я на рыбку?

– Пошла ты в ба-арду!.. – протянул Ган безразлично, откинувшись – обмякнув совсем. Пошла.

А он после встал, включил свет и хотел было выключить опять и насладится её образом, но запереть класс не получалось (замок прокручивался), да и не было уж настроения, было совсем противно, совсем уж *совсем*...

Он достал из широкого кармана своей любимой камуфляжной ветровки блокнот, который почти всегда носил с собой. Уже почти три года назад начал писать роман, и с тех пор... короче, много всего уткло... Читать свои произведения для него всегда было занятием неоднозначным, неприятным и разочаровывающим, но когда-то это надо делать – к тому же другим путём на вдохновенье в наше время и не выйдешь...

Кто и что может вдохновить?!.. Бардели эти, Бадорник, Мирза, Яха, Кристина?!.. Яночка...

13-epentheticum¹⁰

(Рхфкбр лхбьыикъ, эту главку в 2007-м посвящаю тебе!)

Russian Ninja

План

Описание места действия.

Действие романа (первое). О характере Леонида.

Критика обывателей и некоторых критиков. Второе действие – следствие первого.

Гл. I.

«Садись, очень хорошо, – одобрила учительница, – к доске пойдёт...»

Звонок прозвенел на три минуты раньше. Тщетно литераторша А. П. призывала записать домашнее задание. Дверь чуть ли не была выбита, все девять (!) учеников вылетели из класса.

Леонид со своим товарищем Мирзой зашагал по коридору родной школы. Да уж, тут не так, как в городе – во всей школе 120 человек! Но тем не менее, жизнь кипит: все куда-то спешат, девочки несут пробирки с какой-то синей жидкостью, торопятся учителя с пачками книг и плакатами под мышкой, резвится малышня, ребята играют в пинг-понг, двое содят Кукса...

– Смотрел вчера по телеку фильм? – спросил Мирза, еле поспевая за Леонидом: он был намного ниже друга.

– А, смотрел. Как они там дрались!

– Да, нам бы щас так! Он ему на!... А тот саблей как полоснул! Не, а такой, в чёрном, ка-а-а дал! Кия!! А он...

Мирза прервал изложение краткого содержания фильма: у дверей класса, куда они шли, стояли *Трое*.

Это была шайка. Все из 11-го класса, на два года постарше Леонида и его одноклассника. Это Жека Тургенев по прозвищу Брюс, переклиненный от питья Шлёпа и «полууголовник», как называли его учителя за какие-то недоказанные органами проделки, Лёха, по кличке Лёха Красный или Папаша. Короче, все проворные ребята, ходят «качаться» на тренажёрах. Брюсу наверно больше подошла бы кличка Арнольд: мускулы так и рвут майку. (Хотя мочится он с быстротой Брюса, а у Арнольда-то – один вид!) А у тех двоих – у обоих абсолютно ошалелый взгляд: один алкоголик, другой садист; что они делают в школе, а тем паче, в 11-м классе, для всех загадка...

Но вернёмся к нашим событиям.

– Э-эй! Чё ты замолк-то?! «Как он его кия!» А ну, ходи сюда! Ты, ты, иди, иди. Думали, сегодня увильнёте?!

Мирза остановился, стал отступать назад. Брюс пустился за ним, схватил за шиворот и бросил на дверь класса. Пролетев метра два, ученик распахнул своим телом дверь и приземлился уже в кабинете истории рядом с изумлёнными учителями.

«Ты чего врываешься-то с такого разгона?! Аж упал, бедный! Всё, завтра родителей!»

А Брюс занялся Леонидом.

Удар был силен, но Леонид попытался заблокировать его рукой. Тут вмешались ещё двое. Пару ударов ногой «с вертужка» низкорослого, но прыгучего Шлёпы Леонид заблокировал ногами (да, он неплохо ими работал!), но сзади неожиданно обрушился удар Папаши – видимо,

¹⁰ Epentheticum – вставной (лат).

тоже ногой – по шейным позвонкам, и он упал, едва не отключившись совсем. Потащили подальше в крыло коридора. Леонид сопротивлялся, заехал Жеке в морду. Тот дважды ударил его в живот, и по почкам сзади; в пинки долбили Красный и Шлёпа.

Прозвенел звонок. Весь помятый, Леонид пришёл в исторический кабинет. По истории он получил «четыре»: настроение, мягко говоря, уже не то, чтобы получать пятёрки! И такая побардень – каждый день!..

Пункт 1. Обычно пинчиют вполсилы, щадящее, как им кажется, играючи, но именно эти трое, пропивая последние мозги и совесть, в последнее время (раз уж последний год) не контролируют себя вообще.

Пункт 2. Леонид Морозов – незаурядная личность, умный, принципиальный и в то же время весёлый человек. Учится отлично, но отнюдь не отличник-очкарик, каких изображают в детских фильмах. Он самолюбив, малость грубоват. К сожалению, не имеет такой мускулатуры, как у Брюса.

Пункт 3. Начало неплохое. Конечно, учеников в классе можно было б и прибавить, ведь не всё же должно точно соответствовать действительности.

В пункте 2 сказано, что герой умён, незауряден, очень хорошо учится, а в гл. I он увлечённо беседует с «дубовым» Мирзой на таком же языке о какой-то, извините, побардени... Это свидетельствует о его, извините, дубовости. «Как они там махались!» – это мог сказать не отличник, а какой-нибудь хулиган вроде Брюса и его парней.

Друг Леонида меньше его ростом, его бьют, а Леонид стоит. Ждёт, когда очередь дойдёт до него. Последние слова «И такая дребедень – каждый день!» ясно дают понять, что описанное повторяется чуть не ежедневно, а Леонид, личность, терпит... Да кто ему не даёт посещать спортзал и «качаться», как это делает Брюс и его компания?!

Гл. II.

Учитель географии объяснял урок, что-то про размещение каких-то ресурсов по территории России. Леонид его слушал, но не слышал. Не сказать, чтобы ему было интересно, но и не сказать, что неинтересно совсем, и географию он, хоть и не сильно, но любил.

Он ничего не слышал потому, что смотрел на одну девчонку, Яну. Она училась с ним в одном классе, всегда была рядом... Лёне она понравилась, как нравятся девочки, ещё во 2-м классе. Сначала чувство было взаимным, а потом... Девочка повзрослела. Многие из вас знают, что за этим следует: на неё обратили внимание другие, ребята постарше, вроде Брюса – хорошо, что Брюс её брат... И она тоже обратила внимание на других...

Но Леонид не сдавался. Он не был настойчив, не приставал, как некоторые, не хвастался, не кокетничал – просто созерцал её красоту.

Яна Тургенева родилась в год Змеи, на год старше Леонида, значит, в школу пошла на год позже него... И она красива, но красота её не классическая: стройная фигура, чуть-чуть побольше, пообъёмней бёдра, но это не придаёт её фигуре дисгармонии, а напротив только украшает. Короткие тёмно-русые волосы, собранные в пучок сзади, прекрасная чёлка, нависающая над глазами, не яркие, но выразительные по своей форме губы, как будто специально предназначенные для сладкого поцелуя, прямой, может, даже чуть с горбинкой нос, не портящий общего впечатления, карие глаза, в которых печаль, страсть, любовь, вольнолюбие и апатия – апатия к жизни.

«Апатия» – вот те раз! – не сдержался от критики вполголоса нынешний Морозов. Хотя что-то такое есть... «Авария – дочь мента», апатия – спутник отличника (им задолбал!). С гор-

бинкой! – ты про другое бы написал!.. Разглядел «горбинку» какую-то, а подумают: уродина прямо! Глаза карие – это да: те, у кого не голубые, не серые и не непонятного мутно-коричневатого цвета, всегда какое-то непонятное, *опасливое* ощущение вызывают!.. Что-то такое тёмно-загадочное, запретное в ей есть...

Между тем урок подходил к концу, и учитель географии спросил Лёню, какие факторы влияют на размещение объектов чёрной металлургии.

Леонид, конечно же, не ожидал вопроса. Впечатление было такое, что его разбудили после сладкого и продолжительного сна. Он встал, весь класс обратил свои взоры к нему.

«Слушаю вас», – обратился учитель к ученику.

Молчание. Янка тихонько хихикнула, все зашевелились.

Напряжение снял громкий школьный звонок.

«Ладно. Поговорим об этом на следующем уроке. Запишите домашнее задание!»

Леонид пошёл в раздевалку, впереди него гордо шествовала она... Он любил её? Не любил? Она ему нравилась? Who knows. Он сам не знал. Всегда уравновешенный, думающий о себе, о своих проблемах, об учёбе, о назначении жизни и месте в ней человека, он, сам не зная почему, всё время думал о ней.

– Лёнь, сегодня мы с тобой убираем в классе. Ты не забыл? – обратилась к нему Яна, положив свой пакет с книгами в шкаф в раздевалке (до этого директора раздевалки были общими).

– Нет, конечно. Подожди, я сейчас приду.

Новый директор ввёл новое правило: ученики убирают классы (поднимают стулья на парты, подметают, моют доску, поливают цветы). За каждым классом закреплён один кабинет – одноклассники Леонида поочередно убирали 7-й кабинет.

Леонид, как уже говорилось, не страдал особым благородством и вежливостью. И когда его очередь дежурства совпадала с дежурством другой какой-нибудь девчонки, он на её приглашение отвечал: «Делать мне нечего!» И, хлопнув дверью, сматывался домой.

Но с Яной он, естественно, не мог так поступить. При её виде у него подкашивались ноги и отнимался язык – какой уж тут хлопок дверью!

Леонид поднимал стулья, Яна подметала щёткой. Возлюбленная Леонида наклонилась, чтобы поднять бумажку – в узком проходе между партами; Леонид как раз проходил боком через этот проход... На мгновение он нечаянно прикоснулся к ней – казалось, всем телом, всей душой – и особенно одной частью тела, почувствовал ее тепло, а она – его.

Пункт 2.

Леонид Морозов – человек разума, а не чувств. Любил ли он Яночку Тургеневу? Эту big fifteen. (Уже!!! – а ему ещё 13, скоро 14!). Сам не знает. Он не знает, что такое любовь. Он постоянно думает о ней, старается быть рядом. Он не может признаться ей в любви или даже пригласить на танец. Что он скажет ей? Что полночи не спит – мечтает о ней, полночи спит и видит её во сне? Что его пламенное сердце пронзила её стрела, что делает то, чего не хочет его разум?! Мать Леонида называет его эгоистом, и он, когда пишет: «Яна, Я тебя люблю!», думает, способен ли он по-настоящему любить её.

Пункт 3.

Во второй главе автор противоречит сам себе. Например, противоположные по смыслу предложения «Леонид не сдавался» и «Он не был настойчив». Мы также наблюдаем бездействие так называемого отличника на уроке и его «ответ». Если он ежедневно смотрит на девочек и «набирает в рот воды», то как же он может быть отличником и личностью? Пункт 2 гл.2. гласит, что Леонид человек разума, почему же тогда он не может выкинуть её из своего сердца

и разума? Он же отлично знает, что она сестра Брюса, поэтому *все* его усилия напрасны. А если хочешь чего добиться, не будь таким пассивным!

Кроме того, одна сцена гл. 2 вообще имеет мало какое отношение к литературе!

Пункт 4.

Село, где имел честь проживать наш герой Л. Морозов, находилось в Центрально-чернозёмном регионе. Село было маленькое, всего около 700 (?) жителей. Люди тут проживали в основном (как вы уже убедились!) недружелюбные, необразованные, недалёкие и даже нетрудолюбивые. Конечно, имелся полуразвалившийся-полурастащенный колхоз и построенная им лет 30 назад уже знакомая нам школа. Но главной достопримечательностью села был новый клуб (или, как числился в бумагах, Дом культуры) – единственное двухэтажное здание в селе.

Гл. III.

В воскресный день можно пройти по всей «центральной площади» села и не увидеть ни одного человека (!). Золотой диск солнца сеет вокруг свои лучи; лишь изредка пушистое дырявое облако закрывает его собой; но всё равно через это облако, словно через решето, сыплются на землю сияющие зёрна, дающие жизнь всему живому на земле. Особенно опрятно в этот солнечный день смотрятся белые кирпичные стены СДК – с балконом и большим стеклянным фасадом.

Однако всё хорошо и безоблачно днём. Ночью тут начинается своя, совсем иная жизнь.

Гигантские тени закрывают собой бледно-жёлтую луну, и под ними гаснут даже звёзды – золотые диски солнц, находящихся за миллиарды световых лет от брэнной Земли.

Какие законы действуют тут? Закон джунглей? Один за всех, все за одного? каждый за себя? все против всех?

Дискотека – вещь хорошая. Это знает каждый, кто *хоть раз* был молодым. Если спросить у вас, что такое дискотека, вы ответите, что, мол, это танцы. На самом же деле это *мероприятие*, участники которого не только танцуют, но и параллельно, вне зоны общей видимости, употребляют спиртные напитки, курят, «зажимают», трахают, иногда даже насильно, девушек, дерутся или попросту избивают кого-нибудь...

Тогда-то ещё «внимание на других» было совсем пустячным, но теперь уж совсем созрела, стала *заметной* – быстро и небрежно всех сельских девушек разбирают по рукам; кто никому не достался, поступил как-то не так или легко достался – так и идут по рукам – если заступиться некому (приличным родителям, старшим братьям-сёстрам, иногда учителям). Над Яной так и кружились «стервятники» – этот процесс виден невооружённым взглядом, но у неё братаны крутые на всю округу. А потом в таких случаях кто-нибудь стал несильно-иронично приговаривать следующее: у Янки в Васильевке Мареев есть (он же Лапа, такой же «держатель шишки» близкой, но не соседней деревни, лет на пять её старше!), милый женишок, видели, как обжимались.

Леонид быстро шагал по улице родного села; вокруг было темно; он спешил на дискотеку; за неимением друзей он всегда ходил туда один.

Мероприятие уже началось, в окнах зала играли разноцветные блики, воздух и стёкла сотрясала музыка. Быстрые широкие шаги приближались к Дому *культуры*. Поздоровавшись за руку с дюжиной падцанов, стоявших на пороге, Леонид вошёл.

Картина была приятна глазу. В полумраке, в поочерёдном мерцании разноцветных огней, в каком-то ярком оранжевом свете, который то загорался, то быстро потухал, в оглушительном воспроизведении музыки *плавали* молодые люди.

Представители мужского пола танцевали, ритмично переставляя ноги под удары барабанов, отдельные экземпляры, разгоряченные самогоном, раскраснелись, поскидывали с себя свитера и спортивные костюмы, оставшись в одних майках – невозможно описать, как они выплясывали и прыгали!..

Ну, а девочки? Девчоночки... Как они танцуют! Мини-юбочки, разноцветные лосины, плотно облегающие их самые красивые части тела, повторяя все изгибы, все округлости... Девочки в модных мини-юбках, в леггинсах, в джинсах, покрашенные, размалёванные girls... Что бы там ни говорили (а я читал «Отцы и дети» – пытался!), как они хороши, современные девушки! Конечно, краситься надо поменьше, но это уже не мой вопрос.

Яна танцует прекрасно. Жаль только, что с другим... Леонид любовался ею, и сердце его сжималось. Он стоял, как зачарованный, и ему было всё равно, мерно ли пел свои гимны Цой или поддавал жару некто «Кар-мэн».

– Ой, кого я вижу – шаршавый! – это был Папаша Красный, это были Трое. Жека Турганев с Красным подхватили Леонида под руки и поволокли *поговорить*.

– Куда вы меня тащите? – обратился Леонид Морозов к своим конвоирам.

– Щас узнаешь.

Процессия вышла из дома культуры и зашла за его же угол, где было темно от зарослей американки, где находились кучи щебня, битого стекла, всякий мусор и импровизированные уборные.

– Ты не бойся, – вежливо предупредил Брюс, – мы тебя бить не будем, только раза два об угол долбанём.

Леонид, как это ни странно, почему-то хихикнул.

И начали избивать. Леонид сначала начал сопротивляться, но потом его кто-то толкнул на кучу камней и битого стекла. Трое расположились треугольником вокруг Леонида и ударами не давали ему встать.

«Бой» шёл без правил – не до какой ни «до первой крови» – когда бьют не по лицу, а по корпусу, крови нет. Когда содят не по лицу (по туловищу, в том числе отбивают почки, лодыжки, предплечья и другие части тела), это ещё не конец света, но поверьте мне на слово, ощущение не из приятных!

После окончания процедуры Брюс презрительно процедил:

– Слушай, пацак несчастный, мне что-то сказали, что ты возле моей Яночки ошиваешься. Ещё раз увижу – ты меня знаешь. Понял?!

Ночь была тихая; только беззвучно дул холодный ветер-бродяга, которому, должно быть, как и нашим героям, не спалось этой осенней ночью. Из клуба низкими волнами вибрации доносились звуки музыки, кровь стучала в ушах, Трое никак не могли отдышаться.

– Ты понял, рыдван?

– Паштет, я не поньл! Ты поньл?!

– Понял-нет??!!!

– Понял...

Пункт 3.

– Пойдём, всё уже там спрятано, – пригласил некто Яха своих товарищей-одноклассников Мурзу и Морозова.

Они зашли за знакомый угол ДК. Низкорослый ученик, лентяй и лоботряс Мирза, он же тихоня и трудяга, полез в заросли сорной травы и извлёк оттуда припрятанную ещё днём «чтоб не запалили дома» бутылку самогона.

– Наливай мне, – приказал Леонид.

Пропустив сто граммов и закусив маленьким яблоком, Леонид отправился опять на дискотеку. Как же он танцевал! Нет, как же он плясал – или как это можно назвать ещё!.. с горя человек пляшет так, что его сердце бьётся с частотой 50 герц!

А со ста граммов дешёвого напитка Леонид не запьянел, и вообще он никогда не пил и не любил пить».

14

Перечитав начало, Леонид понял, что продолжить рассказ было решительно нечем. С тех пор особо ничего и не изменилось. Троица, правда, уже благополучно побросала школу (один Губов второй год ещё колеблется!..), и сейчас с удовольствием вон участвует в барделях, и содить уж, конечно, не содят, и издеваться им теперь уж никак не с руки, но особой теплоты от подобных типов ожидать не приходится... Но определённый укол вдохновения – неотделимый от всегдашней своей «оборотной стороны», изнанки-подкладки, побочного эффекта, и как бы контр-анестезии, порождающей невыносимо-нудящий зуд, побуждающий, дабы забыться, к действию письма – то есть укола задетого своим бездействием самолюбия, ущемлённого беспомощностью и тщетой тщеславия, – всё закольцовано – он уже почувствовал... Решил сделать ход конём: написать не прозу, а стихи – не на какую-то тему, а просто «передать своё эмоциональное состояние». Так-то проще...

Одна ночь

(одинокая поэтическая ассоциация)

Это дольше, чем плавится воск сотен свечей
 Это больше, чем сделал род земных палачей
 Это ярче, чем свет миллионов слепящих солнца лучей
 Зла маскарад, игра огня и крови
 В одну из тёмных чёрных ночей

Красное солнце зависло над градом
 Звездопадом калёных лучей
 Гладь лазури покрылась кровью ада
 Пронзённая сотней мечей...

Блин, «лучей» и «лучей», и «мечей»! «Слепящего солнца» может лучей-то? «Гладь лазури»... «Лазурная гладь»... «Гладь-лазурь», наверное, всё же понеобычней... Факен ведь! – как начнёшь анализировать и перебирать варианты, думать о рифмах этих несуразных (в рот бы ему компа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.